
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

E.V. Chekmarev, V.V. Chernikova,
L.S. Yakovlev

**Destruction Trends of Traditional
Models of Youth Political
Socialization: the Contours
of the Political Counterculture
(Based on the Results of Regional
Studies)**

The nature of the political culture of youth are revealed. The influence of political culture on political participation is considered. The phenomenon of counterculture in the space of culture forms is analyzed. Factors influencing the formation of the political culture of youth in the current political process are studied. The analysis is based on the empirical data of discussions among the youth of the Saratov Region.

Key words and word-combinations: youth, political culture of youth, political participation of youth.

Выявляются особенности политической культуры молодежи. Рассматривается влияние политической культуры на политическое участие. Анализируется феномен контркультуры в пространстве культурных форм. Исследуются причины, влияющие на формирование политической культуры молодежи в современном политическом процессе. Используются эмпирические данные дискуссий среди молодежи Саратовской области.

Ключевые слова и словосочетания: молодежь, политическая культура молодежи, политическое участие молодежи.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

**Э.В. Чекмарёв, В.В. Черникова,
Л.С. Яковлев**

**ТЕНДЕНЦИИ ДЕСТРУКЦИИ
ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ
МОЛОДЕЖИ:
КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНТКУЛЬТУРЫ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
РЕГИОНАЛЬНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Термин «политическая контркультура» может казаться излишним, искусственным. Во всяком случае, его нельзя полагать устоявшимся. В литературе он употребляется редко, а если используется, как у В.П. Шалаева, В.В. Хренкова, то, по сути, для обозначения внесистемной оппозиции [1, с. 94–104]. Если принимать стандартное определение политической культуры как системы политического опыта, знаний, стереотипов, образцов поведения и функционирования политических субъектов, то может казаться, что в объеме на этой основе понятийном ряду нет необходимости выделять специально ра-

дикальную альтернативу мейнстриму. Это сомнение обусловлено привычностью для политических отношений достаточно четкого распределения спектра позиций. Действительно, при отождествлении политической контркультуры с политическим радикализмом необходимости в специальном понятии не возникает. Однако авторам такой подход не представляется единственно возможным в силу следующих обстоятельств.

Прежде всего обратимся к генезису понятия «политическая культура». Существует очевидная смысловая связь между фактом научного приоритета Иоганна Гердера в отношении его формулировки и формообразующей для его позиции, установкой на критику Просвещения. Эта критика, с одной стороны, во многом близка взглядам Э. Бёрка, Ж. де Местра, но с другой – имеет под собой совсем иные основания. Если данные авторы артикулировали значимость традиции, «малых форм социальности», критически относились к радикализму (что вполне объяснимо в контексте осмысления ими уроков Французской революции), то Гердер сочетал представление о циклическом характере развития культуры с прогрессизмом, а его национализм, очевидный в концепции «народного духа», базировался в этом случае не на почвенническом понимании народа, а выводил идею нации из идеи личности во вполне штурмерском духе [2, с. 34].

Точно так же, как в понятии «национальное государство» И. Гердер делает акцент на первом слове, а в понятии «политическая культура» – на втором. Используя предложенный в этой системе приоритетов термин, стоит принимать во внимание и ценности, на которых данная система построена, то есть исходить из определяющего значения именно культуроведческого, а не политологического подхода. В то же время нужно помнить, что понятие «политическая культура» возникло не внутри дискурса Просвещения, а как элемент оппозиции ему.

В дальнейшем, однако, оно в значительной степени инкорпорируется в парадигму прогрессизма. Принято полагать, что современный дискурс политической культуры открывается концепцией Германа Файнера [3, с. 39]. Необходимо обратиться к общей системе взглядов Файнера, вполне проявившейся в известной дискуссии с Карлом Фридрихом рубежа 30–40-х годов XX в. Если Фридрих отстаивал право истеблишмента распоряжаться государственными делами, основываясь на собственной профессиональной квалификации, Файнер признавал значимость общественного контроля [4, с. 12]. Генезис такого подхода очевиден, его корни – в просвещенческих доктринах естественного права, здравого смысла [5; 6; 7, с. 227–240]. «Рациональный чертеж» (то есть классицистская сдержанность, гармония и рациональность), по мнению А.И. Соломеина, есть характерная черта просвещенческого дискурса [8]. Но для классиков Просвещения монополией на рациональность обладали философы, в то время как масса могла довольствоваться религиозными мифами. Напротив, в XX столетии апелляция к обыденной рациональности как основе мировосприятия электората делает понятие политической культуры одним из опорных в осмыслении демократии.

Впрочем, чаще, чем на Файнера, в исследованиях политической культуры ссылаются на Г. Алмонда. Заметим, однако, что книга Г. Алмонда и С. Вербы называлась «Гражданская культура» (1963), была посвящена компаративному

анализу восприятия политических форм массовым сознанием в США, Великобритании, Италии, ФРГ и Мексике [9]. Определение политической культуры как особого типа ориентации на политическое действие было дано, таким образом, во вполне определенном контексте. Оно позиционировалось в отношении стратегий политического участия. При этом ключевое формообразующее значение приобретали политические практики; строго говоря, если действие можно отделить от мотивации, данный подход не нуждается в углубленном культуроведческом анализе, будучи, по сути, бихевиористским. И в его смысловом пространстве понятие политической контркультуры излишне, поскольку предполагает относительную самостоятельность культурных форм.

«Политологический» крен подхода Г. Алмонда становится особенно очевидным в выборе оснований типологии политической культуры. Очевидно, что эти основания построены на обращении преимущественно к американским практикам. В приходской культуре угадываются формы сознания колониальной эпохи, в зависимой – чисто американское понимание социумов, не создавших демократии американского типа, которая, собственно, и представляет собою образец культуры участия. Обратим внимание еще на один существенный момент: в данной парадигме не дифференцированы групповые и индивидуальные формы культурной деятельности, что вполне естественно в рамках политологического подхода: в политике индивиды представлены (почти исключительно) будучи интегрированными в те или иные типы сообществ.

Расширяя описанный подход, Ф. Хьюкс и Ф. Хикспурс предложили типологию, включающую (наряду с еще четырьмя типами) также протестную культуру [10, с. 134]. Однако противопоставлять ее мейнстриму можно лишь в политическом пространстве, отождествляя с внесистемной политической оппозицией. То же относится и к типологии В. Розенберга, артикулировавшего фрагментацию политических культур как проявление межгрупповых противоречий. Современные исследования политической культуры российской молодежи содержат описания ее интеграции в доминирующие системы отношений [11, с. 92–102; 12, с. 28–32; 13, с. 96–100; 14, с. 71–74].

Напротив, для культурологических подходов понятие «контркультура» вполне органично. Теодор Роззак определял ее как течение, ориентированное на маргинализировавшиеся мейнстримом источники [15]. Как полагал Ирвинг Кристол, не-безусловность статуса контркультур обусловлена уже недостаточной определенностью современной ортодоксии, которая «испытывает недостаток в центральном принципе достоинства. Вместо него он предлагает целый набор достоинств, либеральных достоинств – толерантности, плюрализма, релятивизма – который, можно сказать, строит некий супермаркет из возможных хороших и достойных, приличных жизней. Все это – предписания в ситуации моральной анархии» [16]. Именно в силу этого термин «контркультура» используется, чаще всего, применительно к явлениям сферы художественного творчества. Эстетические ценности оказываются при этом своего рода символом устойчивости, что, само по себе, говорит о многом: если мораль не есть нечто постоянное, то и представления о прекрасном явно изменчивы.

Тем не менее представления о контркультурах сформированы с акцентом на

их эстетическом выражении. Термин «хиппи» ассоциируется, скорее, с жизненным стилем, нежели с политической позицией. И история возникновения данного термина (предложен журналистами), и его философия во многом представляют собой конструкт, в существенной мере созданный искусственно как «образ врага». Политическую окраску контркультурам рубежа 60–70-х годов придавала историческая ситуация, с наибольшей очевидностью – последствия алжирского кризиса для Франции, североирландского противостояния – для Англии, Вьетнама – для США. Именно понимание этой внешней обусловленности вызывает к жизни известную формулу Т. Лири: лучше сидеть дома в психоделическом трансе, чем рвать повестку в армию [17]. Не всякий внесистемный протест разрушает систему, он вполне может быть ею инкорпорирован, превращен в системный. Так, имидж хиппи к 1980-м годам перестал ассоциироваться однозначно с отрицанием господствующих норм, превратившись в один из способов подчеркивания индивидуальности, – не более.

Политическая культура обладает высоким потенциалом поглощения протестных форм. Все зависит от ситуации места и времени; легитимными могут стать и сепаратизм, и различные виды анархизма; в свое время маргинальный статус имел либерализм, и отнюдь не безусловно отторжение современными обществами идеи диктатуры (вполне последовательно проводимой, например, в бестселлере М. Веллера «Великий последний шанс») [18].

В теоретическом плане действительно независимая от мейнстрима политическая контркультура, таким образом, может быть определена как существующая за пределами политического пространства. Однако такого рода позиционирование может привести в ловушку, описанную Джозефом Хизом и Эндрю Поттером в книге «The Rebel Sell». Интерпретируя самоубийство Курта Кобейна как последнюю попытку остаться бунтарем, не влиться в мейнстрим, они делают, выявляя в этом кейсе тенденцию, вывод о бесперспективности «мифа контркультуры» [19]. Эта бесперспективность очевидна лишь в рамках парадигмы тотального бунта, по Герберту Маркузе, Теодору Роззаку, Норману Брауну. Априори, отрицая всякую социальность, мы действительно ни к чему, кроме «психоделического бунта и суицида, не приходим.

Между тем с точки зрения логики альтернативы, разумеется, существуют. Они просматриваются в дифференциации восприятия индивидом различных аспектов общественных отношений. Есть нечто обескураживающе-наивное в отрицании, направленном на такие нейтральные по своей природе объекты, как деньги или общественное признание. Сами по себе они не способны подчинить личность, разрушить ее идентичность. Столетие назад М. Вебер с максимальной точностью определил порядок различения терминальных и инструментальных ценностей в контексте социального действия [20, с. 720]. Мы не можем ни на какие институты переложить ответственность за нравственный выбор, но, сделав его, достигаем успеха, когда идем к цели рациональным путем. Подмена терминальных ценностей инструментальными – одна из наиболее часто применяемых стратегий манипулирования людьми. Важно осознать, что это именно манипуляция, и не позволять превратить себя в инструмент для реализации чужих интересов.

Однако основной проблемой является то, что индоктринация одобренных обществом моделей политической культуры интегрирована в процессы социализации. Именно это соображение лежит в основе радикальной критики современной школы, начиная с М. Фуко, поставившего ее в один ряд с тюрьмой, фабрикой, психиатрической клиникой [21].

Тезисы касательно ключевой роли процессов формирования политической культуры в механизмах социализации представляются аксиоматичными, в особенности применительно к российским реалиям. Социализация в нашем обществе никогда не переставала базироваться прежде всего на развитии политической культуры. Это было более чем очевидно в СССР, значительная часть истории которого связана с прямой интеграцией юншества (а часто и детей) непосредственно в политическую жизнь в качестве как важнейшего инструмента воспитания. В 1990-е годы сформулирован принцип деполитизации системы образования, но в то же время использовался целый ряд инструментов стимуляции электоральной активности молодежи. В 2000-е годы политическое участие становится необходимым условием успешной карьеры: идет ли речь о молодежных структурах «взрослых» партий или чисто молодежных объединениях (впрочем, об их самостоятельности говорить можно лишь условно, и не только «Наши», но и другие движения достаточно очевидно связаны с реальными субъектами большой политики).

Относительно высокая степень культурной изоляции советского общества благоприятствовала складыванию иллюзий относительно Запада вообще и политической культуры тамошней молодежи в частности. Гипертрофировались масштабы «левых» движений; недооценивалась эффективность государственных программ политической социализации. Но наиболее существенно, в контексте выбранной темы, то, что отсутствовало сколько-нибудь адекватное понимание природы феномена, обычно именовавшегося «буржуазным индивидуализмом». Смысл дихотомии «буржуазный индивидуализм – социалистический коллективизм» продуцировался как раз на основе абсолютизации последнего. В европейских странах и в США всегда действовали связанные как с коммунальными институтами, так и с религиозными ценностями, тенденции, индивидуализму противопоставленные; просто индивидуализм не рассматривался априори как нечто несовместимое с официально признанными ценностями. И если «западная» политическая культура научилась его интегрировать (прежде всего в плане признания личной ответственности за поддержку той или иной политической силы), то для российской традиции он практически равнозначен эскапизму. При этом сторонникам идеи «российской самобытности» и сегодня кажется, будто индивидуализм в нашей стране не приживется вовсе, в то время как, с точки зрения «глобалистов», проблема лишь в темпах модернизации, неизбежно ведущей Россию тем же путем, каким развиваются остальные страны.

Вопрос состоит в том, насколько органично и в «западной» культуре может быть совместим «классический» индивидуализм с какими бы то ни было формами политического участия, кроме протестных. В действительности для политической культуры большинства стран европейской традиции (куда входит

Латинская Америка, отдельные регионы Азии) исторически характерно высокое значение различных форм коммунальной солидарности. Принято считать важнейшей отправной точкой европейской демократии Великую хартию вольностей, но на Ранимедском лугу королю Джону противостояли не индивиды, а представители сословий и корпораций. Именно расшатывание корпоративных связей после Второй мировой войны и было воспринято как конфликт поколений; новые модели социализации все в меньшей степени опирались на традиционные групповые идентичности. Однако первым очевидным результатом этого стало отнюдь не конструирование этих моделей на индивидуализме, а формирование новых идентичностей, многообразие которых представляли движения хиппи, new age, всплеск интереса к дальневосточным религиозным и философским системам.

В СССР эти новые модели социализации, во-первых, не имели столь широкого распространения, во-вторых, представляли собой отрицание не коммунальной традиции (компоненты которой на протяжении российской истории подверглись вытеснению), а доминирующих идеологических схем, чем обусловлен их маргинальный характер. Российское общество унаследовало элементы обеих выделенных здесь тенденций, что во многом определяет конфликтный характер становления политической культуры молодежи. С одной стороны – потребностями рыночной экономики и демократической политической системы продуцируются дискурсы, в основе которых лежат ценности, обычно именуемые либеральными (хотя, разумеется, это понятие требует уточнений). С другой стороны – конструирование национальной идентичности предполагает обращение к традиции, которая в российских условиях содержит и компоненты, по сути своей несовместимые с идеологическими схемами и практиками, выстроенными на либеральной парадигме. Кроме того, процессы политической социализации опосредуются конфликтом поколений.

Совокупность выделенных нами факторов определяет потребность в осмыслении процессов политической социализации молодежи в контексте формирования спектра ориентаций (от мейнстрима до контркультуры). Опыт подобного анализа осуществлен на материале молодежных дискуссионных клубов, заседания которых проводятся в муниципальных образованиях Саратовской области при поддержке Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС при Президенте РФ, а также министерства молодежной политики, спорта и туризма Саратовской области, Фонда Фридриха Науманна.

Дискуссии лета – осени 2014 г., в которых обсуждались артикулировавшие структуры ценностей молодежи современной России, продемонстрировали достаточно высокий уровень рефлексии молодежью собственных политических установок. Можно говорить о наличии интереса к генезису современных форм политической культуры. Проблемный вопрос «Чем молодежь советского периода отличается от современной молодежи?» вызвал суждения, связанные прежде всего с артикуляцией конфликта ценностей старшего поколения и молодежи.

Участники дискуссий принимали к обсуждению тезисы, предполагавшие слабость преемственности отношения современной молодежи к традиционным ценностям российского общества, наличие установок на агрессию, отсутствие милосердия и сострадания. Рассуждая об озлобленности, агрессии в мо-

лодежной среде, участники дискуссий акцентировали внимание на причинах нетерпимости юношества и выделили факторы, связанные с маргинализацией определенной части молодого поколения. Данная стратегия объяснения, по сути, выявляет социальный характер конфликта поколений.

Наряду с ней присутствует и другая, в которой обозначается преобладание индивидуализма над коллективизмом. По мнению сторонников такой стратегии объяснения, в современных условиях молодые люди обособливаются, не ощущают своей принадлежности к социальным группам, у них отсутствует командный дух, и они относятся к происходящему в мире индифферентно. Именно эти характеристики, по нашему мнению, связаны с феноменом политической контркультуры. Если в отношении других областей социального поведения можно говорить о субкультурах как оппозиции мейнстриму изначально, уже в силу констатации различий между ними, то применительно к политике эта схема не работает: политическое поле конструируется именно борьбой интересов, партий, элит. Разумеется, в каждый данный момент можно выделить доминирующее политическое течение, системную и внесистемную оппозицию, но все они принадлежат к существующей политической культуре в том смысле, что сами различия между ними основываются на тех же принципах, что являются для культурного поля в целом базовыми. Радикальным отрицанием ее (то есть контркультурой в полном смысле) может быть лишь система, основанная на отказе от основополагающего принципа современной политики, представительства интересов социальных групп. Индивид конструирует свою принадлежность не к постоянной, стабильной общности, а к виртуальным комьюнити [22], которых может быть несколько одновременно, причем с не тождественными интересами, которые могут достаточно быстро сменять друг друга.

Примечательны способы описания участниками дискуссий логики бытия этой контркультуры. Они отмечали глобальные проблемы молодежи, пути их решения; сетовали в первую очередь на современные технологии и научно-технический прогресс, которые в буквальном понимании «разворачивают молодежь и создают ложные представления об истинных ценностях»; «современная молодежь не сохраняет традиции своих предшественников, разрушает старое, но не способна создать новые ценности, чем был известен Советский Союз, наряду с созданием государственной идеологии и поддержанием порядка в стране»; «современные СМИ пропагандируют насилие и этим разрушает истинные ценности молодежи, тем самым позволяет ей вести себя агрессивно, злобно, относится со скептицизмом к окружающему миру»; «важен жизненный постулат в отношении общеобязательного создания ценностей в семье».

Таким образом, часть молодежи вполне реально усваивает ретроградские, по сути, оценки, характерные для воззрений старшего поколения, которые трудно именовать как-то иначе, чем «брюзжание», не имеющее под собою никакой предметной основы: осуждать последствия прогресса бессмысленно. Полтора столетия назад К. Леонтьев мог писать о «вреде» для народной нравственности железных дорог, сегодня такого рода консерватизм может восприниматься лишь как фигура речи, но не политическая программа. Воспроизводство юношами и девушками подобных рассуждений говорит лишь о способности не критически

воспринимать расхожие формулировки. При этом полной индоктринации не происходит; параллельно с приведенными ранее, звучат и высказывания типа «в современном обществе молодежь хорошо образована, существует больше возможностей для самореализации молодого человека, способность проявить себя в определенной сфере деятельности».

Молодые люди сегодня действительно эклектически объединяют в своих воззрениях зачастую совершенно несовместимые позиции. Это говорит лишь об отсутствии действительного усвоения тех или иных взглядов, поэтому они могут воспроизводить относимые к их поколению характеристики, не прилагая их к себе лично. Так же обстоит дело и с мнениями относительно того, что будет представлять для молодежи ценность в будущем: по мнению участников обсуждений, главными ценностями будут семья, честность, любовь, порядочность. Зато реально существующие установки описываются куда предметнее: «для современной молодежи первоначально материальное благополучие и финансовая независимость».

Непосредственно позиционирование молодежи в политическом пространстве позволяет оценить обсуждение вопроса о том, какие ценности дают больше возможностей для самореализации молодежи: консервативные, социал-демократические, либеральные. По материалам дискуссий отчетливо выделяются две основных позиции. Первая связана с мнением, что современная российская элита выбрала консервативный путь развития, а это, как считают участники, преграждает путь движениям другой политической ориентации и будут не так востребованы, поэтому молодым людям, чтобы быть успешными, стоит выбирать консерватизм как самое приемлемое направление. Здесь очень характерен сам исходный посыл: критерием выбора политической установки оказываются не те или иные убеждения, а сугубо прагматическая оценка перспективности присоединения к той или иной политической силе. Очевидно, что называть «консерваторами» людей, рассуждающих подобным образом, неправомерно.

Вторая позиция является менее прагматической, но явно тяготеет к эклектике, основываясь на попытке соединить элементы социал-демократизма, либерализма, традиционных ценностей. Как заявил один из участников дискуссии, «наличие структуры ценностей не способно нанести ущерб молодому поколению, а только сформировать правильное представление и создать истинные нравственные и моральные качества». То есть, опять-таки, в отличие от поколений середины XX столетия, наши молодые современники не отождествляют общие идеи с основаниями мотивации конкретных поступков.

Аналогичным образом рассуждает молодежь и по поводу цивилизационных аспектов выбора модели развития. Высказывания относительно «особого пути» для России соседствуют с признанием важности общеевропейских ценностей. Определенно можно утверждать, что у молодежи слабая восприимчивость к «евразийским» идеям. Единственным примером для подражания названа Япония, причем представление о ней довольно искажено именно как о стране, успешно реализующей модернизацию с некоторым национальным акцентом. Таким образом, и в данной ситуации наблюдается то, как прагматический подход преобладает над ценностным.

Именно в описанных на материале дискуссионных клубов явлениях авторам видятся контуры политической контркультуры как феномена, определяемого в пространстве зарождения новых ценностных систем, в которых не безусловной оказывается сама парадигма представительства интересов конкретных социальных групп политическими элитами и идеологиями. Это определяется деструкцией традиционных социальных общностей, но не на основе классического либерализма, а в соответствии с новыми, диффузными, моделями идентификации. Эти новые структуры социального пространства предполагают реструктуризацию пространства политического, а следовательно, становление новой политической культуры.

Библиографический список

1. Шалаев В.П., Хренков В.В. Новое левое движение как новый аттрактор развития общества потребления (на путях самоорганизации к управляемому конфликту) // Конфликтология. 2014. Т. 4.
2. Гайм П. Гердер, его жизнь и сочинения: в 2-х т. М., 2011.
3. *Finer H. Governments of Greater European Powers.* Chicago 1956.
4. *Finer H. Administrative Responsibility in Democratic Government* // W. Bruce (Ed.). *Classics of administrative ethics.* Boulder, Co. 2001.
5. *Hooker R. The European Enlightenment.* // URL: <http://www.wsu.edu/~dee/ENLIGHT/PREPHIL.HTM>
6. *Hackett L. The age of Enlightenment.* URL: http://history-world.org/age_of_enlightenment.htm
7. Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.
8. Соломеин А.И. Эссеистический дискурс «философской» истории эпохи Просвещения // CREDO NEW. Теоретический журнал. URL: http://credonew.ru/content/view/422/56/#_ednref40
9. *Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* L., 1989.
10. Рукавишников В. Политическая культура и права человека в постсоветской России и в странах Запада: сравнительный типологический анализ // Права человека в России: прошлое и настоящее. Пермь, 1999.
11. Кудрявцева Е.Э. Политическая культура студенческой молодежи в современном российском обществе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6 (45).
12. Стеблецов В.Ю. Особенности политической культуры молодежи: методологический аспект // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 6.
13. Чекмарёв Э.В. Возможности инкультурации в формировании политической культуры современной молодежи регионов России // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2013. № 3 (36).
14. Жакишева А.А. Формирование политической культуры молодежи и ее электорального поведения // Научная перспектива. 2013. № 4.
15. *Roszak Th. The Making of a Counter Culture.* East Bay, 1969.
16. Кристал И. Контркультуры // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Kontrkul-tury>
17. Лири Т. Политика экстаза // Т. Лири. Семь языков бога. New Age Portal. URL: <http://www.castanedadzr.ru/cc/ccbooks/liry2.htm>
18. Веллер М. Великий последний шанс. СПб., 2005.
19. Хиз Дж., Поттер Э. Бунт на продажу. М., 2007.
20. Вебер М. Наука как призвание и профессия // М. Вебер. Избранные произведения. М., 1990.
21. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М., 1999.
22. Яковлев Л.С. Оттенки смысла // Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: мат. Междунар. конф. 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург / под ред. Л.В. Никифоровой, Н.В. Никифоровой. СПб., 2013.